

А 158
295

Н. С. Лыкошинъ.

МУРАДБЕКЪ И ФАТИМА.

(Хивинское преданіе).

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія т. д. «Ф. и Г. Бр. Каменскіи».
1896.

Дозволено цензурою. Ташкентъ, 16 Іюня 1896 года.

МУРАДБЕКЪ И ФАТИМА.

(Хивинское преданіе).

Любимый младшій сынъ Мурадбека Лютфулла достигъ 9 лѣтняго возраста, и откладывать далѣе исполненіе надъ прелестнымъ мальчуганомъ обряда обрѣзанія, значило бы отступить отъ „сунната“—обычая, завѣщаннаго пророкомъ, значило бы возбудить непріятные разговоры среди глубоко уважавшихъ своего бека родовичей.— Вотъ почему, за недѣлю до назначеннаго для начала „тоя“ дня, джигиты Мурадбека, бѣднѣйшіе его родственники, рассыпались по степи, чтобы созвать на праздникъ всѣхъ, кто раньше, въ свою очередь, когда нибудь угощалъ при подобномъ же торжествѣ самого Мурадбека. Еще ранѣе, два вечера на пролетѣ просидѣли мирзы за изготовленіемъ пригласительныхъ записокъ, строго придерживаясь старшинства, родовитости и значенія

приглашаемыхъ. Длинный списокъ родовичей нѣсколько разъ подвергался измѣненіямъ и дополненіямъ, самое содержаніе записокъ подвергалось строгой критикѣ, чтобы не упустить изъ вида какое-нибудь изъ многочисленныхъ правилъ восточной вѣжливости, и наконецъ хозяину осталось только укрѣпить приглашенія своей именной печатью, часто замѣняющей у туземцевъ собственноручную подпись. Печать Мурадбека, затѣйливо вырѣзанная на серебрѣ, не носила на себѣ его имени; среди причудливыхъ украшеній, стояли красивою вязью исполненныя слова: „*хадымъ-уль-фукара*“, что значитъ по арабски — „*слуга бѣдныхъ*“. Слѣдуя обыкновенію предковъ, Мурадбекъ замѣнилъ свое имя своимъ девизомъ, котораго держался всю свою жизнь, ни на минуту не забывая, гдѣ можно помочь слабѣйшему, сдѣлать доброе дѣло такъ, чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая. Великодушіе было основной чертой характера бека; это качество онъ всосалъ съ молокомъ матери, унаслѣдовалъ отъ давно умершаго отца своего. Начертанный на печати бека девизъ не былъ только красивой фразой, не имѣющей связи съ дѣломъ; нѣтъ этотъ девизъ былъ начертанъ неизгладимо и въ сердцѣ Мурадбека.

Освѣдомившись о возвращеніи въ аулъ своихъ посланныхъ, Мурадбекъ вышелъ изъ своей юрты и выслушалъ докладъ cadaго изъ прибывшихъ объ исполненіи даннаго порученія. Всѣ вѣстники высказали своему господину восторженныя привѣтствія отъ родовичей, получившихъ приглашенія на „той“, и можно было съ увѣренностью сказать, что всѣ привѣтствія искренни, — такъ велика была популярность бека между земляками.

— Ну, а Ширъ-Али здоровъ, обѣщаль пріѣхать на той? спросилъ Мурадбекъ стройнаго молодого джигита въ большой бѣлой шапкѣ, державшаго въ поводу взмыленнаго караковаго туркмена.

— Да, таксырь, Ширъ-Али—Аксакаль обѣщаль непременно быть и горитъ нетерпѣніемъ принять участіе въ состязаніи; стрѣльба изъ лука — его любимое занятіе; — отвѣчалъ спешенный.

— Посмотримъ, посмотримъ, съ усмѣшкой отозвался бекъ и самодовольная улыбка освѣтила его красивое, смуглое лицо. Ему пріятно было подумать о состязаніи съ сильнымъ противникомъ; побѣдить въ стрѣлбѣ изъ лука лучшаго стрѣлка всей Ургенчской округи было не легко, а потому и лестно для бека, то-

же очень любившаго стрѣльбу изъ лука, которая требовала столько-же остроты зрѣнія, сколько и твердости въ рукѣ, спускающей стрѣлу.

Теперь, когда цивилизація вмѣстѣ съ многими полезными изобрѣтеніями, дала въ руки человѣку и губительное огнестрѣльное оружіе (для разрушительнаго дѣйствія котораго нѣтъ ни преградъ, ни разстояній), конечно стрѣльба изъ лука не больше, какъ дѣтская забава, но, было время, когда кочевые народы отлично обходились безъ ружей и пушекъ, а весь успѣхъ битвы зависѣлъ отъ умѣнья искусно владѣть кривой пашкой вблизи и тугонатянутымъ лукомъ—вдали отъ непріятели. Легкія пѣвучія стрѣлы, направленныя рукой мѣткаго, искуснаго стрѣлка не могли наносить такихъ страшныхъ, непоправимыхъ поврежденій, какія сѣетъ на своемъ пути граната дальнобойной пушки, или причиняетъ маленькая, жужжащая злодѣйка—пуля, вылетѣвшая изъ ствола новой малокалиберной винтовки, но и стрѣла, умѣло пущенная, достигала той цѣли, къ которой была пущена—выводила изъ строя противника коннаго, или пѣшаго, заставляя его сначала перевязать свою рану, а потомъ уже продолжать начатое дѣло. Не все-ли равно, что заставило коннаго нукера спѣшиться и оставить ряды своей сотни—

пуля, или стрѣла, лишь-бы сила противника въ рѣшительный моментъ атаки ослабла, лишь-бы натискъ лихихъ наѣздниковъ не былъ такъ друженъ. Правда, поле битвы не заливалось потоками крови, число убитыхъ на смерть было незначительно, но развѣ въ уничтоженіи себѣ подобныхъ можно найти себѣ какое либо оправданіе? Не лучше ли было постараться только временно ослабить противника, не лишая человѣка лучшаго блага даннаго ему Богомъ—не отнимая у него жизни.

Отдавая луку должное на войнѣ, Мурадбекъ любилъ его и какъ забаву, и какъ оружіе для лихой интересной охоты на быстроногихъ „сайгаковъ“. Для успѣха на охотѣ за дикими козами нужно было быть недюжиннымъ стрѣлкомъ изъ лука. Только очень вѣрной рукой пущенная стрѣла могла настичь, какъ вѣтеръ, несущееся животное, положить добычу къ ногамъ страстнаго охотника. Не мало нужно было постояннаго упражненія въ стрѣльбѣ и Мурадбекъ достигъ въ этомъ спортѣ завиднаго совершенства. Только пожалуй одинъ Ширъ-Али, котораго бекъ ждалъ къ себѣ въ гости, и могъ поспорить съ нимъ въ мѣткости стрѣльбы изъ лука.—„Помѣряемся!“ подумалъ про себя бекъ и отдалъ приказаніе готовить все нужное

для угощенія созванныхъ на „той“ его сына гостей.

Близъ юрты бека въ вырытыя въ землѣ ямы—очаги поставили громадныя чугунныя котлы, а близъ котловъ приготовили громадныя кучи колючки—растенія, замѣняющаго въ степи топливо, и вѣтвей безлистнаго коряваго саксаула. О топливѣ надо подумать заблаговременно, не собирать же его по степи, когда надо безпрестанно подкладывать его подъ котель, ни на минуту не ослабляя огня.

Жена бека, красивая и стройная Биби-Фатима принялась распорядиться стряпней и, подъ ея руководствомъ, десятокъ женщинъ засуетились вокругъ котловъ. Предстояло согрѣть въ котлахъ воду и вязанками камыша и соломы на чисто вымыть котлы, предназначенные на завтра для варки громаднаго количества мяса—главнаго угощенія на всѣхъ туземныхъ праздникахъ. Закипѣла работа и къ вечеру все было готово: котлы вымыты, лошади и бараны зарѣзаны, большіе мѣшки риса сложены въ ближнихъ юртахъ. По близости-же поставленъ „тандуръ“—оригинальная печь для выпеканія громадныхъ праздничныхъ лепешекъ—и разложены сухешные фрукты, которыя вмѣстѣ съ хлѣбомъ и другими сластями придется завтра

подать къ чаю дорогимъ гостямъ. На сырыхъ кожахъ замѣсили крутое тѣсто для лепешекъ и еще задолго до разсвѣта начали ихъ печь. Большія и малыя лепешки, грудями наложенныя въ юртѣ, далеко вокругъ распространяли аппетитный запахъ свѣже-испеченнаго хлѣба.

Рано поднялась на другой день семья Мурадбека. Только что окончился намазъ „бамдатель“, только что солнышко озолотило своими лучами верхушки высокихъ песчаныхъ бугровъ-бархановъ, какъ понемногу, группами по 4 по 5 человекъ, стали съѣзжаться изъ окрестныхъ ауловъ приглашенные.

Господа, слуги и лошади одинаково имѣли нужду въ отдыхѣ послѣ ночного переѣзда, имѣли одинаковое право и на гостепріимство радушнаго хозяина. Слуги Мурадбека помогали пріѣзжимъ сойти съ коня и тотчасъ-же принимали на себя заботы о дорогихъ статныхъ скакунахъ. Ослабивъ подпруги, разнуздавъ лошадей, ихъ привязывали къ приколамъ, обыкновенно, составляющимъ предметъ конскаго снаряженія каждаго всадника и, покрывъ легкой узорчатой попоной, оставляли въ покоѣ до времени, когда можно будетъ задать кормъ и напоить безъ вреда для утомленнаго большимъ переходомъ животнаго. Слуги пріѣзжихъ зани-

мали мѣста въ особо отведенныхъ юртахъ, разбитыхъ поодаль отъ кибитки и шатра Мурадбека, составлявшихъ центръ аула. Гости проходили сперва въ шатеръ хозяина и, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, поздравляли его съ семейнымъ праздникомъ обрѣзанія сына, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждетъ каждый мусульманинъ. Обмѣнявшись привѣтствіями съ хозяиномъ, гости усаживались на разостланныя по сторонамъ шатра узорчатая кошмы, искусно сваланныя умѣлыми руками хивинскихъ женщинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ все привезенное гостями въ подарокъ семьѣ Мурадбека по случаю тоя, такъ называемый „туяна“, фактически переходилъ во владѣніе радушнаго хозяина. Подарки были различныя по степени состоятельности дарившаго и въ зависимости отъ близости и дружбы къ хозяину. Здѣсь водили приведенныхъ прѣзжими лошадей, тамъ гнали нѣсколько барановъ, несли шелковую матерію, тамъ складывали въ сундукъ „букча“ — связку полосатыхъ алачевыхъ халатовъ, которые такъ однообразны у всѣхъ уроженцевъ Хивы — богатыхъ и бѣдныхъ. Хивинецъ не франтъ, онъ не любитъ, подобно бухарцу, носить яркій цвѣтной халатъ изъ адряса, или шаи, а довольствуется скромнымъ полосатымъ платьемъ изъ

домашней бумажной матеріи, сотканной руками его жены. Правда, халатъ не бьетъ на эффектъ, не поражаетъ причудливыми узорами, но онъ подстеганъ ватой и хорошо предохраняетъ отъ лучей знойнаго солнца, да и гораздо прочнѣе, чѣмъ франтовской халатъ щеголя-бухарца. Сапоги на высокихъ каблукахъ, громадная коричневая шапка изъ курчавой мерлушки — вотъ всѣ принадлежности красиваго въ своей простотѣ костюма удалаго сына степи — хивинца, не столько кичащагося красотой своей одежды, сколько гордаго прелестью своего кровнаго скакуна, не знающаго устали въ скачкѣ, или въ томительныхъ переходахъ по безводной степи. Лошадь свою хивинецъ холить, ея уборъ онъ готовъ украсить золотомъ и серебромъ, ее онъ готовъ покрыть дорогой шелковой или ковровой попоной. Всѣ подарки прѣзжихъ гостей, внимательно осматривались, чтобы приблизительно опредѣлить ихъ цѣну. Не жадность, не корысть руководила въ данномъ случаѣ принимавшими подарки родными хозяина, а лишь желаніе не ударить лицомъ въ грязь при отдариваніи гостя, когда будутъ провожать его изъ аула по окончаніи тоя. Какъ приглашенный на той привозитъ празднующему обрѣзанію сына, или свадьбу дочери, подарокъ, такъ

и хозяинъ тоя долженъ при прощаніи отдарить гостя вещью такою же, или еще лучше той, какую самъ получилъ. Выказать свою скупость, значило бы навѣки потерять доброе имя радушнаго хозяина, которымъ такъ дорожатъ туземцы, богатые и бѣдные. Вотъ почему люди Мурадбека такъ тщательно пересматривали привезенные ихъ беку дары „туяна“. Все подѣзжали новыя и новыя группы и разсѣвшіяся по кошмамъ кучки гостей то и дѣло вставали, чтобы принять въ свою компанію и усадить на соотвѣтствующее мѣсто вновь присоединившагося.

Мѣстничество въ собраніяхъ очень строго соблюдается у туземцевъ: ученый занимаетъ первое мѣсто, старшій садится выше молодого и, разумѣется, богатый выше бѣднаго. Почетный конецъ кошмы,—тотъ, что противъ входа, правая сторона почетнѣе лѣвой. Чтобы усадить всѣхъ по старшинству, надо не мало чисто-восточной ловкости въ соблюденіи разныхъ мелочей этикета... Человѣкъ подходитъ къ усѣвшею уже въ извѣстномъ порядкѣ группѣ гостей. Какъ-бы незначительно ни было положеніе въ обществѣ вновь пришедшаго, всѣ сидѣвшіе дотолѣ гости встаютъ съ своихъ мѣстъ, складываютъ руки ниже пояса и истово отвѣ-

чаютъ словами „ва-алейкумъ-ас-сялямъ“ (и вамъ миръ) на привѣтствіе пришедшаго, выражаемое неизмѣнно фразой „ас-салямъ-алейкумъ“ (миръ вамъ), обязательной для всего мусульманскаго міра. Вставшіе не сядутъ, пока вновь пришедшій не займетъ своего мѣста, поэтому тому, кто надѣлалъ такой переполохъ въ мирно сидѣвшемъ кружкѣ гостей нечего долго думать, надо поскорѣй усаживаться. При этомъ было-бы большимъ невѣжествомъ, входя въ собраніе, намѣтить мысленно подобающее себѣ мѣсто и прямо пройти, чтобы занять его. Этикетъ требуетъ, чтобы вошедшій, какъ-бы ни былъ онъ важенъ, сначала выказалъ свою скромность и смиреніе, усѣвшись ниже всѣхъ, у самаго входа. Вошедшій сѣлъ на корточки, или вѣрнѣе всталъ на колѣна, опустившись всѣмъ туловищемъ на пятки и порядливо подобралъ полы верхняго платья, сѣли всѣ сразу и вставшіе для привѣтствія.

Теперь начинается состязаніе въ смиреніи, которое положительно въ состояніи насмѣшить новичка—наблюдателя этого мимического приѣма восточной вѣжливости. Здѣсь ничего не говорятъ, все ограничивается весьма понятными пригласительными жестами рукъ, обращенными къ смиренно усѣвшемуся ниже

всѣхъ гостю. Сидящій выше его, считая себя ниже своего сосѣда отъ входа, руками приглашаетъ гостя перейти и сѣсть выше, гость не сразу соглашается и тоже жестами рукъ проситъ сосѣда разрѣшить ему остаться на занятомъ сразу мѣстѣ. Обмѣнъ вѣжливости кончается тѣмъ, что низко сѣвшій гость передвигается вверхъ по ряду сидящихъ все дальше отъ входа, до тѣхъ самыхъ поръ, пока наконецъ не очутится на томъ мѣстѣ, какое принадлежитъ ему по праву. Можно было-бы искренно смѣяться надъ этими церемоніями, если-бы мы не знали за своими предками такихъ же, но болѣе серьезныхъ поползновеній занять въ обществѣ мѣсто, соотвѣтствующее не личнымъ достоинствамъ, а происхожденію каждаго.

Почти всѣ гости сѣхались, проворные слуги стали разносить чай, хлѣбъ и сласти, разставляя подносы по рядамъ сидящихъ на кошмахъ гостей. Повара удвоили свои хлопоты по приготовленію разныхъ блюдъ, которыя въ громадныхъ количествахъ должны были исчезнуть въ объемистыхъ желудкахъ посѣтителей тоя. Не прошло и двухъ часовъ, какъ разостланныя для трапезы скатерти, послѣ обильнаго обѣда были свернуты, присутствовавшіе совершили молитву, а слуги ихъ уложили для

отвоза домой тѣ лепешки и сушеные фрукты, которые посѣтитель тоя увозить съ праздника для своей семьи.

Публика оставила свои мѣста и прогуливалась близъ юрты Мурадбека, какъ будто въ ожиданіи чего то, что неминуемо должно было совершиться. Дѣйствительно, только угощеніе, положенное для тоя было исполнено, предстояли еще зрѣлища, до которыхъ такіе охотники туземцы.

На ровную площадку передъ шатромъ Мурадбека вышли обнаженные до пояса, босые борцы, чтобы борьбою—„курашъ“—заслужить назначенные бекомъ призы. Смуглые, мускулистые, покрытые испариной схватывались парами борцы, стараясь каждый изъ всѣхъ силъ приподнять противника отъ земли за поясъ и хлопнуть о-земь. Привычные къ этимъ приемамъ борцы старались не потерять равновѣсія и нужно было въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не мало усилий, чтобы повалить противника. Побѣдитель подходилъ къ шатру и изъ рукъ самого Мурадбека получалъ вѣдорогой халатъ въ награду за выказанную ловкость въ борьбѣ. Толпа зрителей шумными возгласами выражала свое одобреніе осилвшему противника борцу. Много паръ помѣрялось силой, но изъ всѣхъ выдѣлился крѣпко-

сложенный мускулистый пастухъ. Ему удалось побороть всѣхъ, кто отважился вступить съ нимъ въ единоборство, но никто не въ силахъ былъ повалить на землю его самого. Десятки полученныхъ имъ халатовъ видимо меньше тѣшили его самолюбіе, чѣмъ слава о его силѣ и доблести, которая не замедлитъ разнестись по степи, съ быстротой электрическаго тока, въ устной передачѣ всѣхъ бывшихъ на праздникѣ.

Мурадбекъ приказалъ начать скачку „улакъ“. Въ одну минуту собралась громадная толпа всадниковъ и на хорошихъ, и на дурныхъ лошадяхъ, а изъ за шатра вылетѣлъ одинъ изъ записныхъ любителей этого спорта съ зарѣзаннымъ козломъ, котораго онъ держалъ подъ правой ногой у сѣдла. Быстро отдѣлился всадникъ этотъ отъ толпы, но спокойно стоявшіе до того времени люди вмигъ преобразились, всѣ, точно по приказу, бросились къ своимъ лошадямъ и покрыли степь, въ рассыпную гонясь за ускокавшимъ джигитомъ. Задача скачки „улакъ“—отобрать козла и привезти его къ исходному пункту, но продѣлать это упражненіе, преодолѣть всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія не легко. Не столько быстрота движенія лошади, сколько ея верткость и поводливость, а также смѣлость и ловкость всад-

ника, его твердая посадка обезпечиваютъ успѣхъ. Толпа всадниковъ то быстро, то тихо двигалась по степи вдали отъ шатра, но отъ времени до времени, къ шатру Мурадбека подскакивалъ счастливый, усталый побѣдитель и бросалъ къ его ногамъ привезеннаго съ такимъ трудомъ козла. Видно, что козель прежде доставленія къ шатру побывалъ во многихъ рукахъ, испыталъ послѣ смерти, не мало безпокойства, служа потѣхой азартнымъ спортсменамъ—шерсть козла помята, одна нога оторвана, весь онъ залитъ кровью, покрытъ конскимъ потомъ. Грубая забава, а туземцы такъ любятъ ее, что даже серьезныя поврежденія, получаемыя всадниками и лошадьми въ бѣшеной скачкѣ, никого не удерживаютъ отъ участія въ скачкѣ „улакъ“.

Пока гости все свое вниманіе обратили на перипетіи скачки, въ стоявшую въ сторонѣ отъ шатра Мурадбека кибитку прошелъ цирульникъ, которому предстояло совершить надъ виновникомъ торжества операцію, и имамъ, который долженъ былъ прочесть опредѣленные для обрѣзанія молитвы. Въ юртѣ находились подъ надзоромъ старшихъ своихъ родственниковъ нѣсколько мальчиковъ 6-8 лѣтняго возраста. Всѣмъ имъ предстояло подвергнуться обрѣзанію за

компанію съ сыномъ Мурадбека; все это были дѣти бѣдныхъ людей, которые сами затруднились бы исполнить надъ своими сыновьями обрядъ, требующій не мало расхода на сопровождающее его угощеніе. Здѣсь богатый приходитъ на помощь бѣдному и какъ-бы за него исполняетъ обязанность, возлагаемую и на бѣднаго, и на богатаго неумолимымъ обычаемъ.

Мальчики выглядѣли какъ-то странно. Глаза ихъ горѣли какимъ-то неестественнымъ блескомъ, расширенные зрачки свидѣтельствовали о ненормальномъ состояніи дѣтей. Дѣло въ томъ, что въ видахъ отчасти уменьшенія боли, которую испытываетъ подвергаемый обрѣзанію, а также для того, чтобы самый процессъ операціи не произвелъ на неофита ислама, удручающаго впечатлѣнія, у туземцевъ принято въ день обрѣзанія подчивать мальчиковъ сладостями, къ которымъ примѣшаны наркотическія вещества (маскунда). Изъ мелкихъ прицвѣтниковъ и цвѣтковыхъ частей конопли готовится „наша“; смѣшавъ извѣстнымъ образомъ „нашу“ съ бараньимъ саломъ, получаютъ „рауганы-кейфъ“, а уваривъ эту послѣднюю смѣсь съ сахаромъ, получаютъ такъ называемый „гюль-кандъ“, который и на взрослога производитъ дѣйствіе наркоза, „разгоняетъ тоску“, какъ говорятъ туземцы, а ужъ

стоитъ преподнести малышу такого лекарства отъ предстоящей ему непріятности и онъ совершенно незамѣтно, безъ всякаго протеста перенесетъ обрѣзаніе. Вотъ отчего собравные въ юртѣ мальчики имѣли немного странный видъ.

Оставимъ однако цирюльника дѣлать свое дѣло, лучше отвернуться отъ страннаго для насъ, некрасиваго обряда и возвратимся къ толпѣ гостей, собравшихся близъ шатра Мурадбека.

Вся публика сѣла на лошадей; конюхи, слѣдуя за своими господами, везли луки и стрѣлы. Мурадбекъ, не ограничиваясь обычной скачкой и борьбой, задумалъ угостить своихъ друзей еще охотой на сайгаковъ, которую самъ онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Кстати, торжество кончилось и послѣ охоты хозяину оставалось лишь проститься съ гостями и по обычаю надѣлить cadaго изъ нихъ халатами. Красивая группа всадниковъ на статныхъ кровныхъ коняхъ представляла эффектную картину. Лошади хорошо выкормленные и отдохнувшія, пока господа ихъ забавлялись на тоѣ, горячились, играли и ржали, точно чувствуя предстоящее охотникамъ наслажденіе.

Охотники ѣхали, весело болтая. Рядомъ съ Мурадбекомъ ѣхалъ на великолѣпномъ сѣромъ конѣ Ширъ-Али, извѣстный стрѣлокъ изъ лука.

— Ну что, Ширъ-Али, сегодня видно придется и намъ поспорить съ тобою, кто лучше стрѣляетъ изъ лука? Хоть всѣ и считаютъ тебя первымъ въ Ургенчѣ стрѣлкомъ, а не хочется мнѣ признать твоего первенства безъ борьбы, безъ испытанія, заговорилъ улыбаясь Мурадбекъ.

— Я не особенно дорожу славой перваго стрѣлка и охотно, безъ боя, радъ уступить ее тебѣ, Мурадбекъ, чтобы доставить тебѣ это маленькое удовольствіе въ день тоя, отвѣтилъ Ширъ-Али.

— Воспользоваться чьей нибудь скромностью могъ бы пожелать кто нибудь, сознающій свою слабость, возразилъ Мурадбекъ, а мнѣ хотѣлось-бы помѣряться съ тобой и съ боя взять у тебя первенство, которое ты такъ любезно уступаешь мнѣ изъ дружбы. Нѣтъ, теперь мы ѣдемъ на охоту, вотъ и условимся со всѣми нашими товарищами стрѣлять только по одному разу и кто убьетъ сайгака наповалъ наиболѣе искусно, того мы и признаемъ самымъ искуснымъ стрѣлкомъ изъ лука. Выпадетъ тебѣ удача, ты сохранишь за собою добытую славу первенства, повезетъ мнѣ, ты мнѣ ее уступишь, но не изъ любезности, а по праву.

— Ну хорошо, мусульмане! слышали ка-

кое состязаніе предлагаетъ Мурадбекъ? обратился Ширъ-Али ко всѣмъ спутникамъ, постараемся-же не допустить, чтобы непременно ему, хозяину „тоя“, достался призъ въ этомъ состязаніи; вѣдь этакъ пожалуй скажутъ, что мы въ благодарность за угощеніе уступили хозяину первенство въ стрѣльбѣ изъ лука.

— Угощеніе угощеніемъ, а разъ пошло дѣло на споръ, то мы всѣ съ удовольствіемъ принимаемъ вызовъ почтеннаго Мурадбека, слышалось сзади изъ толпы всадниковъ, надо только опредѣлить заранѣе, какую-же рану надо считать самой искусной, а то какъ-бы потомъ не заспорить; вѣдь всякому стрѣлку поневолѣ покажется, что его стрѣла пущена искуснѣе, чѣмъ остальные.

— Ну, за этимъ дѣло не станетъ, рѣшилъ Ширъ-Али, согласимся заранѣе, что лучшимъ стрѣлкомъ мы признаемъ того, кто убьетъ сайгака на скаку, ударивъ его прямо въ глазъ. Вѣдь это не особенно легко и надо много искусства, чтобы выполнить такую задачу; согласны?

— Согласны, согласны, слышались голоса изъ группы всадниковъ.

Проѣхали еще съ версту и замѣтили на горизонтѣ всадника, мчавшагося во весь опоръ на встрѣчу охотникамъ.

— Вотъ и сайгаки недалеко, пояснилъ Мурадбекъ, я приказалъ своимъ джигитамъ выслѣдить небольшой косякъ и выгнать на насъ, когда мы приблизимся. А то пожалуй безъ этой предосторожности мы проискали-бы напрасно дичь, на которую собрались охотиться. Приготовьте ваши луки, скоро и сайгаки покажутся.

Охотники разобрали луки, приготовили стрѣлы и остановились на холмикѣ. На горизонтѣ мелькнула группа джигитовъ, а передъ ними можно было замѣтить небольшую черную точку, двигавшуюся гораздо быстрее лошадей. Это сайгаки, ошеломленные погоней и криками спугнувшихъ ихъ всадниковъ, неслись сломя голову, не обращая вниманія на встрѣчавшіяся по пути препятствія. Ажитація животныхъ была такъ велика, что не было имъ дѣла до группы поджидавшихъ ихъ охотниковъ; табунъ сайгаковъ мчался мимо холма, на которомъ расположились гости Мурадбека.

Охотники не были спокойны: они волновались такъ же, какъ сайгаки, которыхъ они поджидали. Причиной этого волненія была данная имъ задача и призъ, а слава мерещилась каждому изъ нихъ.

Изящныя фигурки неповинныхъ жертвъ

человѣческой страсти къ истребленію вырисовывались яснѣе; сайгаки подошли на выстрѣлъ и сразу, точно по командѣ, запѣли пущенныя умѣлыми руками стрѣлы. Мигъ—и стада какъ не бывало, только нѣсколько козочекъ лежали на пескѣ, пораженные на смерть, или раненныя. Вся группа съ мѣста въ карьеръ пустилась къ добычѣ, точно кто-то собирался отнять, принадлежащихъ имъ по праву, убитыхъ животныхъ. Приблизившись къ сайгакамъ, каждый искалъ свою стрѣлу по хорошо извѣстнымъ отмѣткамъ, но многіе искали тщетно. Видно стрѣлы неудачниковъ полетѣли дальше, искать другихъ сайгаковъ...

И Мурадбекъ, и Ширъ-Али конечно нашли свои стрѣлы, и тому, и другому удалось убить по сайгаку на поваль, но Ширъ-Али съ грустью замѣтилъ, что его стрѣла поразила свою жертву въ ухо, а не въ глазъ. Только Мурадбеку и удалось выполнить поставленную для состязанія задачу, его коза была поражена прямо въ правый глазъ; лѣвый остался открытымъ и съ укоризной смотрѣлъ на людей, собравшихся надъ трупами сайгаковъ, какъ бы спрашивая: къ чему губить жизнь для удовлетворенія тщеславія?

Всѣ стали поздравлять побѣдителя; Мурадбекъ былъ въ восторгѣ отъ удачи и неволь-

но счелъ удачный выстрѣлъ хорошимъ предзнаменованіемъ для своего любимаго сына, который сегодня вступалъ въ жизнь. Можетъ-ли смерть служить хорошимъ предзнаменованіемъ для жизни, кто знаетъ, во всякомъ случаѣ, восхищенному отцу казалось, что если вся жизнь его Лютфуллы будетъ во всемъ сопровождаться удачей, то больше и желать нечего; вѣдь рядъ удачъ задуманнаго и составляетъ ту цѣпь, которую мы называемъ счастіемъ.

Одна мелочная подробность немного печалила Мурадбека: изъ глазъ убитой козы струились слезы и охотнику случайно пришлось обратить на это вниманіе. Конечно Мурадбекъ зналъ рассказы о томъ, что коза плачетъ, будучи смертельно ранена, но самъ никогда въ жизни не обращалъ вниманія на глаза убитыхъ на охотѣ животныхъ, а тутъ, какъ на зло, пристальнѣе обыкновеннаго остановилъ онъ взоръ свой на потухшемъ глазѣ сайгака.

Быстро сдѣлавъ надъ собой усиліе, Мурадбекъ отогналъ мрачныя предчувствія и присоединился къ своимъ спутникамъ.

Охотники возвращались въ ауль, весело болтая, одинъ только Ширъ-Али ѣхалъ молча, огорченный своимъ промахомъ. А какъ онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что нѣтъ въ

Ургенчѣ человѣка, который бы такъ же мастерски владѣлъ лукомъ, какъ онъ. „Вотъ видно загордость-то и наказалъ меня Аллахъ“, подумалъ огорченный охотникъ и прошепталъ покаянную молитву.

Вернувшись въ ауль, гости стали собираться по домамъ. Выпивъ еще по чашкѣ чаю, больше изъ вѣжливости, всѣ поочередно подходили къ Мурадбеку, чтобы еще разъ поздравить его съ семейнымъ праздникомъ, пожелать всего лучшаго его семьѣ и сыну. Каждому подходившему хозяинъ крѣпко жаль руку, благодарилъ за посѣщеніе и, взявъ одинъ изъ халатовъ, которые держалъ тутъ-же слуга, самъ надѣвалъ на гостя, поверхъ одѣтаго уже на томъ платья. Гость, истово запахнувъ полы новаго халата, кланялся хозяину и отходилъ въ сторону, чтобы уступить мѣсто слѣдующему. Торжественная сцена раздачи одеждъ не обошлась безъ курьеза: на долю подошедшаго рослаго и очень полнаго торговца баранами, Пулатбая, какъ на зло, пришелся короткій и узкій халатъ. Подаль хозяинъ халатъ своему гостю, попробовалъ было тотъ надѣть, да не тутъ-то было; трещить халатъ, а не проходить въ рукава крупныя руки Пулатбая, не умѣщаются въ халатъ и его богатырскія плечи.

Кругомъ хохочуть, хозяинъ конфузится, что не смогъ одѣть одного изъ своихъ гостей, но быстро находитъ способъ выйти изъ неловкаго положенія. Къ счастью, Мурадбекъ самъ былъ крупнаго роста и плечистъ, онъ быстро снялъ съ себя дорогой суконный чекмень, въ которомъ былъ одѣтъ по случаю праздника, и остался въ нижнемъ алачевомъ халатѣ. Суконное платье Мурадбека оказалось впору толстому Пулатбаю и онъ отошелъ, восхищенный полученіемъ халата гораздо болѣе цѣннаго, чѣмъ у другихъ гостей Мурадбека. „Недурную службу сослужила мнѣ моя полнота“, думалъ про себя Пулатбай, оправляя складки халата.

Гости, въ сопровожденіи слугъ своихъ, по немногу разъѣхались; въ аулѣ наступила тишина, только прислуга, утоливъ свой голодъ остатками обильной трапезы, суетилась, чтобы до наступленія сумерокъ убрать на мѣсто посуду и привести все въ обычный порядокъ.

Мурадбекъ остался одинъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ всѣ пріятныя ощущенія, какія ему привелось испытать въ теченіе хлопотливо проведеннаго дня. Хвала Аллаху! Ему удалось дожить до тоя своего сына, удалось на славу отпраздновать это торжество. Не какъ-нибудь, не только для того, чтобы отдѣлаться

отъ тяжелой повинности, справилъ онъ той сына; нѣтъ, видимо, всѣ гости уѣхали совершенно довольные, восхищенные радушіемъ, вниманіемъ и щедростью хозяина. А развѣ не удовольствіе сознавать, что сдѣлалъ пріятное столькимъ людямъ, знать, что никто не посмѣетъ усумниться въ богатствѣ и широкомъ гостепріимствѣ Мурадбека.

Мурадбекъ очень любилъ свою единственную красавицу жену Биби-Фатима; да и какъ было не любить ее, когда она родила ему такого красавца сына, хорошо воспитала его, а къ своему мужу всегда относилась съ такимъ непритворнымъ уваженіемъ, пожалуй даже съ любовью.

Мусульманской женщинѣ трудно выразить свою любовь къ мужу: она очень мало проводитъ времени вмѣстѣ съ нимъ, имѣетъ мало общихъ интересовъ, да и нѣжности не въ обычаѣ. Тѣмъ не менѣе, Биби-Фатима, съ присущимъ рѣдкой женщинѣ тактомъ, находила способы для выраженія мужу своей привязанности. Всякое желаніе Мурадбека исполнялось раньше, чѣмъ онъ его высказывалъ, хозяйство шло отлично подъ опытнымъ руководствомъ хозяйки, дѣти выглядѣли чистыми, здоровыми, счастливыми. Не сплетни съ знакомыми женщинами, не бездѣльное шатанье по гостямъ за-

нимали умъ жены Мурдабека; она вся ушла въ заботы о своемъ маленькомъ царствѣ, а свободныя минуты посвящала только одному мужу, какъ будто спрашивая, не можетъ-ли она еще что нибудь сдѣлать, чтобы ему было покойно, чтобы онъ остался доволенъ своей избранницей. Обладая ровнымъ, тихимъ нравомъ, Биби-Фатима никогда не раздражала своего мужа, а живой юморъ ея рѣчей нерѣдко вызывалъ на его лицѣ улыбку. Какъ-бы ни былъ озабоченъ чѣмъ нибудь Мурадбекъ, бесѣда съ женой дѣйствовала на него успокоительно, данный ею совѣтъ иногда поражалъ его своей обдуманностью и дальновидностью, вообще такъ мало присущими вѣтренной, легкомысленной туземной женщинѣ.

Теперь не за совѣтомъ, или утѣшеніемъ шелъ къ своей женѣ Мурадбекъ. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на любимаго сына, котораго онъ не видѣлъ сегодня съ утра; хотѣлось подѣлиться съ женой своимъ радостнымъ настроеніемъ, сдѣлать ее участницей своего счастья.

Съ такими мыслями вошелъ Мурадбекъ въ обширную бѣлой кошмы кибитку, гдѣ помещалась его семья. Красивыя, рѣзныя двери, дорогіе текинскіе ковры на полу, шелковыя ки-

сти на остовѣ юрты, скрѣпленномъ узорчатыми тесьмами, груди подушекъ, одѣяль и развѣшанная на веревкахъ одежда свидѣтельствовали, что семья Мурадбека живетъ въ довольствѣ. Въ углу, свернувшись, спалъ Лютфулла и по временамъ произносилъ несвязно полуслова, должно быть грезилъ еще подъ вліаніемъ принятой по неволѣ дозы наркотика. Съ любовью взглянулъ Мурадбекъ на сына, а потомъ обратился къ почтительно вставшей ему на встрѣчу женѣ.

— Ну что, нахлопоталась ты сегодня съ гостями? Слава Богу, все удалось, угощеніе вышло на славу, похвалилъ жену Мурадбекъ.

— Я очень рада, что могла хоть немного порадовать своего мужа, скромно потупившись, вымолвила Биби-Фатима.

— Ну, а слышала-ли ты какъ я заткнулъ за поясъ Ширъ-Али съ его искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука?

— Да, мнѣ говорили, что вы убили козу; мнѣ принесли ее. Я думаю, что упражненіемъ можно всего достигнуть, отвѣтила жена.

Больно кольнуло въ сердце мужа равнодушіе жены къ успѣху его славы, или тщеславія. Очень ему хотѣлось похвастаться предъ женой своей удалью, очень хотѣлось изъ ея

устъ услышать похвалу своему искусству. А вмѣсто того холодная разсудительная фраза, да еще пожалуй и наставительнаго характера— не кичись, моль, своимъ умѣньемъ убить такъ или иначе неповинную жертву, не жди отъ женщины оправданія и похвалы насилію.

Не злой, а очень, вспыльчивый человекъ былъ Мурадбекъ. Очень обидны показались ему слова жены и куда дѣвалась привязанность къ хорошей женщинѣ... Въ гнѣвѣ Мурадбекъ сказалъ, обращаясь къ Биби-Фатимѣ: „поводья брошены на твою собственную шею!“

Слова эти европейцу показались-бы не особенно обидными и грубыми, они даже не заключали въ себѣ бранныхъ выраженій, но на Биби-Фатиму рѣчь мужа произвела страшное впечатлѣніе; она зашаталась и какъ снопъ повалилась на землю съ слабымъ стономъ, который разбудилъ, однако, спавшаго по близости сына. Разгнѣванный на жену, а можетъ быть и на себя за горячность, быстро вышелъ изъ юрты Мурадбекъ. Лютфулла, не понимая въ чемъ дѣло, бросился къ матери, которая тутъ-же очнулась отъ легкаго обморока и залилась горячими слезами, громко причитая, „что со мною будетъ, ахъ я несчастная, лучше-бы умереть мнѣ въ этотъ день“.

— Ани, ани, что съ тобой? торопливо спрашивалъ взволнованный мальчикъ, о чемъ ты плачешь, кто тебя обидѣлъ?

— Никто не обидѣлъ меня, а всетаки я самая несчастная женщина. Отецъ твой разсердился на меня изъ за пустяковъ и дальнѣ вѣчный, неунитожимый разводъ. О, я несчастная, не переживу разлуки съ любимымъ мужемъ и съ тобой, мой милый мальчикъ.

— Не горюй ани, отецъ навѣрно одумается и исправитъ причиненное тебѣ зло; это въ гнѣвѣ онъ не удержался, сталъ утѣшать мать свою мальчикъ.

Мурадбекъ дѣйствительно одумался; онъ раскаялся въ своей горячности, но на бѣду громко сказанную имъ разводную формулу слышали многіе изъ находившихся близъ его юрты людей, нечего было и думать поправить дѣло, не придать значенія сказаннымъ сгоряча словамъ. Съ болью въ душѣ, съ сознаниемъ своей вины, распорядился Мурадбекъ, чтобы на другой день отвезли къ отцу разведенную жену его Биби-Фатиму. Онъ приказалъ отправить съ ней всѣ ея вещи и въ добавокъ богатые подарки, которые могли-бы замѣнить брачное вознагражденіе (мегръ) полагающееся разведенной женѣ. Рано утромъ вытянулся ка-

раванъ нагруженныхъ добромъ своей госпожи верблюдовъ и Мурадбекъ даже не вышелъ проститься съ обиженной имъ женщиной, которая, проживъ съ нимъ пятнадцать лѣтъ, теперь покидала его, чтобы возвратиться въ семью своего отца, кочующаго очень далеко отъ Ургенча. Лютфулла попрощался съ матерью въ юртѣ безъ свидѣтелей и, заливаясь слезами упалъ на свою постель, желая скрыть свое тяжелое горе.

Отцу было не легче, но онъ и слезами не могъ помочь горю, а долженъ былъ въ душѣ затаять тяжесть разлуки, не обнаруживая передъ другими своего раскаянія. На сына своего любимого не могъ равнодушно смотрѣть Мурадбекъ. Ему казалось, что въ глазахъ красиваго мальчика онъ читаетъ нѣмой упрекъ за незаслуженно обиженную мать. Лютфулла, прежде ласкавшійся то и дѣло къ отцу, теперь избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ, какъ будто боялся, что и съ нимъ отецъ въ состояніи поступить несправедливо. Мальчикъ грустилъ, скоро румянецъ сошелъ съ его лица и горе, пережитое имъ въ раннемъ возрастѣ, положило неизгладимую печать на весь его характеръ, рѣзко измѣнившійся со времени разлуки съ любимой матерью. Задумчиво бродилъ по аулу бѣдный Лют-

фулла, не шли ему на умъ веселыя игры со сверстниками, забылъ онъ и свою любимую лошадь, неотвязно стоялъ передъ нимъ образъ его матери, которая теперь была такъ далеко отъ него.

Отецъ и сынъ одинаково тяжело переносили разлуку съ Биби-Фатимой, оба старались скрыть свое горе отъ окружающихъ.

Нерѣдко теперь приходили на память Мурадбеку замѣченныя имъ случайно слезы убитой на охотѣ козочки. Вотъ когда „отлились волку овечьи слезы“, думалъ про себя Мурадбекъ и еще грустнѣе становилось ему отъ сознанія своей несправедливости.

Прошло семь лѣтъ со дня праздника тоя Лютфуллы, такъ хорошо начавшагося и такъ трагически окончившагося.

Всемогущее время и то не могло исцѣлить душевныхъ ранъ Мурадбека и его сына. Отецъ за это время значительно посѣдѣлъ и состарился; сынъ, напротивъ выросъ и возмужалъ. Его стройная, изящная фигура, его милостивое лицо и быстрые выразительные глаза останавливали на себѣ вниманіе каждаго, кто съ нимъ встрѣчался. Всякій съ восхищеніемъ смотрѣлъ на красавца—юношу, обѣщавшаго и въ зрѣломъ возрастѣ остаться красивымъ мужчиной.

Многіе изъ богатыхъ и знатныхъ сородичей подумывали, какъ было-бы хорошо женить богатаго Мурадбека на одной изъ невѣстъ постарше; другіе не прочь были породниться съ бекомъ, отдавъ невѣсту помоложе за его красавца—сына...

Но ни отецъ, ни сынъ и не думали о перемѣнѣ своего семейнаго положенія. Мурадбекъ при взглядѣ на каждую дѣвушку вспоминалъ свою тихую, разсудительную Биби-Фатиму и чувствовалъ новый укоръ совѣсти за свою несправедливость къ ней. Лютфулла, видя женщину, вспоминалъ рано утраченную имъ любимую мать, и грустное чувство подымалось съ новой силой въ его душѣ...

Чтобы разсѣяться, Мурадбекъ задумалъ совершить вмѣстѣ съ сыномъ „хаджъ“ (паломничество въ Мекку). Ему казалось, что, исполнивъ одну изъ главныхъ религіозныхъ обязанностей (фарзъ), которая исламъ налагаетъ на своихъ послѣдователей, онъ найдетъ душевное успокоеніе, примирится съ своей совѣстью и забудетъ понесенную изъ за своей горячности тяжелую утрату.

Прежде чѣмъ оставить родной аулъ для благочестиваго путешествія, надлежало исполнить всѣ свои обязанности къ людямъ, покон-

чить всѣ денежные счета, обезпечить остающуюся дома семью. Мурадбеку было очень легко справиться со всѣмъ этимъ: самъ онъ не былъ долженъ никому, въ аулѣ оставался его младшій братъ и этому благонадежному родственнику можно было смѣло поручить вести всѣ дѣла по хозяйству и по торговлѣ, въ отсутствіе Мурадбека. Такъ и сдѣлали. Не прошло недѣли, какъ небольшой караванъ, частію на верблюдахъ, частію на лошадяхъ, выступилъ изъ аула, направляясь къ югу по лѣвому берегу Аму-Дарьи.

Торопиться было некуда; можно было смѣло рассчитывать добратся до Мекки задолго до праздника Курбанъ-Майрамъ. Поэтому наши путешественники двигались небольшими переходами, чтобы не утомить животныхъ, составлявшихъ перевозочныя средства каравана. Рано останавливались путники на ночлегъ въ попутномъ аулѣ, или въ „рабатѣ“ — одинокой постройкѣ въ степи, нарочно возведенной для остановки каравановъ. Не много такихъ станцій въ степи, но каждая изъ нихъ обставлена нѣкоторыми удобствами для путешественниковъ. Рабатъ обнесенъ высокой глинобитной стѣной, которая такъ мастерски умѣютъ класть ургенчскіе „дивалзаны“. Посреди двора сводчатая

кирпичная постройка прикрывает колодезь. Это „сардаба“, гдѣ проѣзжіе могутъ добыть воду для своихъ животныхъ. Вода въ колодезѣ правда не особенно чиста; иногда въ ней замѣтенъ маленькій привкусъ соли; но когда хочется пить, человѣкъ не особенно разборчивъ. Скотъ отлично утоляетъ жажду колодезной водой, человѣкъ варитъ себѣ чай и нисколько не замѣчаетъ недостатковъ воды.

Однажды подѣ вечеръ, послѣ сравнительно большого перехода, караванъ Мурадбека подошелъ къ рабату, стоявшему верстахъ въ десяти отъ берега Дарьи. Не вдалекѣ отъ рабата пролегала караванная дорога къ переправѣ на Аму; поэтому чайхане рабата было всегда полно проѣзжимъ народомъ, и у колодца толпились группы развьюченныхъ верблюдовъ въ ожиданіи водопоя.

Люди бека принялись за развьючиваніе животныхъ, а отецъ и сынъ расположились на отдыхъ въ чайхане, занявъ мѣсто поодаль отъ группы торговцевъ-сартовъ, громко между собой бесѣдовавшихъ. Хозяинъ чайхане мигомъ сообразилъ, что имѣетъ дѣло съ зажиточнымъ человѣкомъ и все свое вниманіе сосредоточилъ на угощеніи Мурадбека и его сына, зная по опыту, что подобную заботливость усталый

путникъ умѣетъ оцѣнить по достоинству.

Предъ вновь прибывшими тотчасъ появился обильный и разнообразный достарханъ; въ кунганѣ былъ поданъ такой чай, какого и самъ хозяинъ не пилъ съ своимъ семействомъ. Однимъ словомъ, услужливый содержатель чайхане сдѣлалъ все, что могъ, къ полному удовольствію путешественниковъ...

Однако Мурадбекъ съ чисто восточной выдержкой не дотронулся самъ до поданной пищи, пока обстоятельно не распорядился относительно довольствія своихъ слугъ и корма для животныхъ. Только подробно рассказавъ хозяину, что и кому слѣдуетъ отпустить, бекъ принялся разламывать поданныя ему лепешки и пригласилъ сына своего закусить съ дороги.

Отецъ и сынъ нисколько не измѣнились со времени выѣзда изъ родного аула. Не много нужно было-бы наблюдательности, что-бы подмѣтить на ихъ лицахъ глубокую думу, тайное горе, какое оба они носили въ душѣ. Пріятное, симпатичное лицо Мурадбека ни на минуту не освѣщалось улыбкой. Его спутникъ молодой, красивый юноша, былъ еще мрачнѣе отца. Не удивительно поэтому, что никто изъ присутствовавшихъ въ чайхане не рѣшался вступить съ ними въ разговоръ; всякому ка-

залось неприличнымъ нарушить сосредоточенныя думы прїѣзжихъ хивинцевъ, не обнаруживавшихъ никакой склонности къ общенію съ прочими посѣтителями. Компанія сартовъ весело болтала, покончивъ съ только что поданнымъ блюдомъ ароматнаго „палау“; поминутно слышались дружные взрывы смѣха надъ ловко сказанной кѣмъ либо изъ собесѣдниковъ остротой.

„Аскіа“—острословіе, любимое развлеченіе сартовъ. Соберется-ли молодежь случайно на базарѣ, разсядутся-ли зимой гости въ гостинной „михманъ-хана“, можно поручиться, что если только среди сидящихъ нѣтъ ученыхъ и высокопоставленныхъ туземцевъ, собесѣдники быстро перейдутъ къ острословію, какъ лучшему средству скоротать время. Умѣнье остроумно отвѣчать остротой на остроту, умѣнье занять и разсмѣшить слушателей не всякому дается; за то и цѣнятъ такой талантъ любители веселаго времяпрепровожденія. Начинается обыкновенно съ того, что въ компаніи ктонибудь добродушно, въ остроумной формѣ, подсмѣется къ слову надъ кѣмъ либо изъ присутствующихъ. Тотъ, надъ кѣмъ посмѣялись, выжидаетъ, пока утихнетъ взрывъ хохота, вызванный шуткою на его счетъ, и самъ поро-

вить отвѣтить остряку тоже насмѣшкой надъ какоюнибудь странностью начавшаго состязаніе въ острословіи. Конечно, и слова втораго покрываются такимъ-же дружнымъ хохотомъ. Пристаютъ третій, четвертый. Завязывается своего рода турниръ, вѣсть о которомъ далеко разносится взрывами громкаго смѣха и нужно много серьезности и самообладанія заурядному жителю кишлака, чтобы удержаться отъ соблазна и не подойти къ толпѣ, не послушать и самому того, что въ другихъ возбуждаетъ такой веселый, здоровый смѣхъ. Правда, остроты „аскіабазовъ“, по своему содержанію, мало похожи на то, что принято считать остроуміемъ между цивилизованными народами; „аттическая соль“ здѣсь часто замѣняется порнографическими сравненіями и нецензурными выраженіями, но видно толпа вполне довольна и низкопробными остротами, когда хохочетъ такъ заразительно—весело.

Компанія затихла только тогда, когда „азанчи“ съ ближняго минарета рабата принялся гнусавымъ голосомъ выводить обычный призывъ къ молитвѣ. Какъ звуки колокола способны пробудить въ христіанинѣ мысль о молитвѣ и отвратить его помышленія отъ мірскихъ забавъ, такъ и весело настроенная кучка моло-

дыхъ людей призывомъ къ „хуфтанъ-намазу“ сразу была настроена совсѣмъ на другой ладъ. Какъ по командѣ, всѣ, кто до сихъ поръ сидѣлъ въ чайхане, поспѣшили къ колодцу, чтобы совершить положенное омовеніе „тааратъ“, передъ молитвой. Черезъ десять минутъ стройными рядами выстроились на площадкѣ молящіяся и, такъ какъ кругомъ была молодежь, то Мурадбеку, по праву, пришлось занять мѣсто имама.

У мусульманъ нѣтъ рукоположенныхъ священниковъ; всякій, кто знаетъ молитвенные обряды и не запятналъ своей репутаціи какимъ-либо безчестнымъ поступкомъ, вправѣ, въ случаѣ надобности, исполнить обязанности имама—предстоящаго на молитвѣ. Въ обыкновенной жизни каждая осѣдлая группа, а также каждый аулъ въ Хивѣ имѣетъ своего особаго такъ сказать штатнаго, приходскаго имама, но этотъ, немного напоминающій священника, человекъ есть всецѣло принадлежность известной мечети. Какъ въ каждой мечети имѣются азанчи, суфи, хатибъ и фарачь, такъ есть и имамъ, пользующійся нѣкоторой частью доходовъ мечети и обязанный за это ежедневно руководить пятивременными намазами.

Въ пути не то. Путешествовать одному

не принято на востокѣ. Обыкновенно находятся попутчики, ѣдущіе по одному и тому-же направленію, на дорогѣ пристають еще новые спутники, и собирается такимъ образомъ компанія въ 10—15 человекъ, которая и двигается дальше вмѣстѣ. Такой способъ путешествія, особенно при передвиженіяхъ верхомъ, крайне удобенъ уже потому, что большому обществу нечего бояться въ степи и на дорогѣ нападенія недобрыхъ людей, или дикихъ звѣрей. Компанія сумѣетъ отстоять безопасность каждаго изъ своихъ членовъ. Хозяйственная часть тоже значительно выигрываетъ отъ такого общенія, такъ какъ ѣдущіе вмѣстѣ образуютъ временную артель и выбираютъ на время пути старшину, которому вручаютъ полномочіе распоряжаться путешествіемъ.

Такой старшина несетъ на себѣ заботу о всѣхъ, но за то всѣ путешествующіе безпрекословно ему подчиняются. Онъ распоряжается маршрутомъ, указывая гдѣ надо остановиться для отдыха, а гдѣ ночевать. Старшина заботится о довольствіи людей и лошадей, ведетъ всѣ счеты, раньше всѣхъ встаетъ и позже всѣхъ ложится, но за то пользуется и почетомъ и уваженіемъ.

Вотъ если такая компанія на ночлегѣ,

или въ пути становится на молитву, то выборный старшина обыкновенно исполняетъ и обязанности имама. Торговцы, которыхъ встрѣтилъ Мурадбекъ очевидно совершали не особенно продолжительный переѣздъ по степи, потому что у нихъ и артели не было образовано и старшины выбрано не было. Очевидно молодые „байбатчи“ полагали, что лучше всего, когда въ ихъ собраніи единовластно будетъ царить остроуміе, веселье, пѣсня. Зачѣмъ старшину, когда вся компанія молода, весела и настолько зажиточна, что можетъ не считать каждую копѣйку.

Вотъ почему на долю Мурадбека выпала честь быть имамомъ при общей молитвѣ. Имамъ заканчиваетъ намазъ обращеннымъ на обѣ стороны ко всѣмъ молящимся привѣтствіемъ „ас-салямю-алей-кумъ“. Мурадбекъ, исполнивъ и эту свою обязанность со свойственнымъ ему достоинствомъ, счелъ всетаки неловкимъ не познакомиться съ молодыми людьми, молитвой которыхъ онъ руководилъ. Новые знакомые, какъ оказалось, по имени знали Мурадбека и потому скоро завязался разговоръ, быстро перешедшій на общія для всей степи новости, на вѣсти, которыя съ быстротой молніи передаются изъ устъ въ уста. Много новаго услышалъ

Мурадбекъ отъ своихъ собесѣдниковъ не мало и самъ могъ имъ поразказать интереснаго. Вся компанія отправилась въ чайхане, чтобы на этотъ разъ вмѣстѣ выпить чаю. Мурадбекъ былъ отчасти радъ, что и на него пахнуло молодостью и весельемъ; бесѣда немного развлекла его.

Лютфулла, напившись чаю, быстро отправился на покой. Юношѣ хотѣлось поскорѣй остаться наединѣ съ своими думами, хотѣлось избѣжать разспросовъ о томъ, почему онъ не веселъ и не принимаетъ участія въ общей бесѣдѣ.

А сидѣвшіе за чаемъ и не думали о снѣ. Было еще рано, и новый собесѣдникъ внесъ не мало разнообразія въ разговоры, порядкомъ надоѣвшихъ другъ другу въ пути молодыхъ людей.

— А что, Усманъ, не споешь-ли ты намъ одну изъ твоихъ любимыхъ пѣсенъ? обратился одинъ изъ спутниковъ къ красивому юношѣ, подлѣ котораго лежала „ситаръ“ — родъ гитары съ длинномъ грифомъ. Хотя этотъ инструментъ и не можетъ похвалиться звучностью своихъ трехъ металлическихъ струнъ, но туземцы въ Средней Азій употребляютъ его для аккомпанимента пѣнію. Не рассчитывая, что бренчаніе струнъ можетъ произвести на слушате-

лей впечатлѣніе, туземный пѣвецъ не обращаетъ большого вниманія на аккомпаниментъ, а старается дѣйствовать на слушателей только своимъ голосомъ, выводя такія высокія ноты, что слушателю все время кажется, что пѣвецъ неминуемо долженъ оборваться, что не хватитъ у него голоса; но нѣтъ, солистъ благополучно преодолеваетъ всѣ вокальныя трудности и тѣшитъ слушателей знакомыми мотивами, знакомыми стихами любимыхъ поэтовъ.

— Съ удовольствіемъ, товарищи, безъ всякаго жеманства согласился Усманъ и, откашлявшись, взялъ въ руки свой нехитрый инструментъ. Сосѣдъ подалъ Усману чашку чая; пѣвецъ отхлебнулъ немного и поставилъ ее подлѣ себя, какъ у насъ лекторъ ставитъ около себя стаканъ съ водой, чтобы промочить горло, пересохшее во время бесѣды. Пѣвцы на востокѣ никогда не обходятся безъ чашки чая; при высокомъ строѣ всѣхъ восточныхъ пѣсенъ, безъ чая быстро охрипъ бы пѣвецъ и лишенъ былъ бы возможности допѣть начатую пѣсню.

— Много хорошихъ пѣсенъ знаешь ты, Усманъ, обратился къ пѣвцу сосѣдъ слѣва, но рѣдко поешь ты ту, что самъ сочинилъ про Фатиму; вѣдь эта пѣсня право лучше другихъ.

— Спой, спой про Фатиму, слышались голоса другихъ собесѣдниковъ.

— Моя пѣсня пожалуй хороша только потому, что поется въ ней правда, но гдѣ-же стихамъ моимъ сравниться съ тѣми стихами древнихъ поэтовъ, которые я пѣлъ вамъ раньше? скромно замѣтилъ Усманъ.

— Была-бы правда, а стихи могутъ быть и не очень гладки, сказалъ сосѣдъ слѣва. Началь пѣвецъ и вся компанія обратилась въ слухъ; кто слышалъ раньше эту пѣсню, тому хотѣлось еще разъ услышать и запомнить наиболѣе мѣткіе стихи и мелодію, а кому не удавалось раньше слышать, тотъ слушалъ впервые, восхищаясь и голосомъ пѣвца и содержаніемъ новой пѣсни.

Въ пѣснѣ говорилось про горькую долю молодой женщины, которая потеряла мужа по своей винѣ. Вернувшись въ семью, она, конечно, встрѣтила всеобщее неудовольствіе за то, что не сумѣла сама сберечь свое счастье. Постоянные упреки родителей, въ связи съ воспоминаніями о счастливой жизни съ мужемъ, сдѣлали жизнь Фатимы въ родномъ аулѣ невыносимой. Родители стали подыскивать Фатимѣ новаго мужа, но съ ея стороны встрѣтили упорное нежеланіе вторично выйти замужъ. На

всѣ предложенія она всегда твердила, что мужъ ея живъ и, отъ живого мужа, ей не слѣдъ выходить за другого. А можетъ быть онъ еще вспомнить обо мнѣ, говаривала молодая женщина.

Горе, думы и неприятности помutilи разсудокъ несчастной. Она стала сторониться отъ домашнихъ, только въ уединеніи и работѣ и находила она утѣшеніе. Ухаживая за скотомъ своихъ родителей, Фатима особенно привязалась къ выросшему на ея рукахъ рыжему теленку. Теленокъ остался сиротой, мать его умерла въ родахъ и беззащитное животное росло только благодаря уходу Фатимы. Бѣдная Фатима сосредоточила на своемъ воспитанникѣ всю нѣжность своего молодого сердца. Теленокъ, въ свою очередь, любилъ свою воспитательницу, зналъ ея голосъ, изъ рукъ ея принималъ пищу. Скотъ стоялъ у самой воды на берегу Аму-Дарьи, на отмытой теченіемъ площадкѣ; снизу на верхъ шла по яру узкая тропинка, по которой съ трудомъ загоняли скотину внизъ въ естественный загонъ у воды. Взрослыя животныя кое-какъ взбирались на верхъ и сходили внизъ, а воспитаннику Фатимы не по силамъ, видно, было взбираться на верхъ, потому что ежедневно хозяйка на ру-

кахъ выносила въ степь теленка и отпускала его побѣгать по ровному мѣсту. Вынесенный въ степь теленокъ обнаруживалъ веселость, свойственную его возрасту; онъ весело носился по степи, по душистой травѣ, бѣгалъ на славу послѣ скучнаго заточенія на берегу рѣки среди взрослыхъ животныхъ. Фатима сидѣла на берегу, пѣла пѣсню и любовалась на своего воспитанника. Теленокъ, набѣгавшись, возвращался къ хозяйкѣ и ложился у ея ногъ, а Фатима снова брала его на руки и несла внизъ, въ загонъ. Какъ службу какую, упорно исполняла Фатима ежедневно тоже самое надъ своимъ теленкомъ, а теленокъ росъ быстро, хорошо вскормленный заботливой хозяйкой. Однажды кто то изъ родныхъ подсмотрѣлъ, какъ Фатима покончивъ всю работу, забавлялась съ своимъ теленкомъ. Странна всѣмъ показалась ея затѣя — вмѣсто того, чтобы выйти замужъ за хорошаго человѣка и растить своихъ дѣтокъ, она возится съ безсловеснымъ животнымъ, отдаетъ ему столько заботъ. Посмѣялись въ семьѣ надъ Фатимой и оставили ее въ покоѣ—дурная, молъ, потеряла разсудокъ, видно, баба, что находить забаву въ вознѣ съ теленкомъ. Всѣ забыли о ней и привыкли къ ея странности, приписанной всѣми ея по-

мѣшательству. Фатима, попрежнему, ежедневно выносила своего любимца наверхъ и видно тому правилась такая заботливость о немъ его хозяйки. Подроспій бычекъ выражалъ нетерпѣніе, когда, бывало, Фатима замедлитъ доставить ему обычное развлеченіе. Женщина изо дня въ день выносила на верхъ теленка и нисколько не замѣчала, что съ теченіемъ времени прибывалъ вѣсь ея воспитанника. Теленокъ выросъ въ бычка, изъ бычка сдѣлался быкомъ, прошло три года, а Фатима все носила вырощеннаго ею быка и тотъ ужъ безъ нужды, по привычкѣ, подчинялся ея заботамъ; самъ онъ выросъ на столько, что разумѣется могъ бы и самъ взойти на верхъ, но видно ему просто казалось пріятно чувствовать на себѣ вниманіе хозяйки. Такъ и ухаживаетъ до сихъ поръ за своимъ любимцемъ бѣдная, лишенная разсудка женщина, приговаривая иногда ни съ того ни съ сего, что „упражненіемъ можно всего достигнуть“. Дѣйствительно доказала она то, что говорила; развѣ можетъ кто повѣрить, что подъ силу слабой женщинѣ внести на крутую гору взрослога быка—вѣдь за это пожалуй и любой мужчина не возметса.

Замолкъ пѣвецъ, вся компанія находилась еще подъ впечатлѣніемъ слышанной пѣсни,

стихи которой были такъ же хорошо сложены, какъ искусно подобранъ голосъ для пѣсни. Мурадбекъ, съ первыхъ-же строфъ заинтересованный необычнымъ содержаніемъ пѣсни, замеръ и съ волненіемъ внималъ голосу пѣвца. Что-то говорило ему, что не чужая ему эта покинутая мужемъ женщина, которой и имя какъ разъ было одинаково съ именемъ жены его, съ которой онъ семь лѣтъ назадъ разстался въ день тоя своего сына. Когда Усманъ дошелъ до заключительныхъ строфъ и упомянулъ, что Фатима повторяла безъ смысла фразу „упражненіемъ можно всего достигнуть“, сердце Мурадбека затрепетало; ему захотѣлось какъ можно скорѣй повидать загадочную женщину, напомнившую ему этой фразой далекое прошлое. Вѣдь какъ разъ эти слова сказала ему его Фатима-биби, когда онъ похвастался передъ ней своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ лука, вѣдь какъ разъ эта фраза собственно и привела его къ разлукѣ съ женой, которую онъ такъ сильно любилъ до этого прискорбнаго случая. Всѣ мелочи разрыва, весь день тоя сына прошелъ въ памяти Мурадбека, и онъ ждалъ только конца пѣсни, чтобы броситься къ Усману и распросить его подробно, откуда взялъ онъ чудную исторію, воспѣтую

имъ въ звучныхъ стихахъ, и есть-ли Фатима плодъ его фантазіи, или реальная личность.

Волненіе Мурадбека еще усилилось, когда онъ узналъ отъ Усмана, что спѣтая имъ пѣсня была, что Фатима дѣйствительно существуетъ и желающему воочію убѣдиться, что пѣсню свою онъ сложилъ про живую женщину, стоитъ лишь совершить небольшое путешествіе до родного аула бѣдной страдальцы, забывающей свою скорбь въ странномъ для всѣхъ упражненіи своей физической силы и, по всѣмъ признакамъ, лишенной разсудка.

Глазъ не могъ сомкнуть Мурадбекъ всю слѣдующую ночь и задолго до разсвѣта приказалъ сопровождавшимъ его людямъ готовиться въ путь. Всѣ вчерашніе собесѣдники еще спали, когда караванъ Мурадбека вышелъ изъ рабата и, къ удивленію слугъ, не посвященныхъ въ тайну хозяина, повернулъ совсѣмъ не по тому направленію, куда слѣдовалъ раньше. Мурадбекъ и сыну ничего не говорилъ о своемъ намѣреніи посѣтить аулъ, гдѣ жила Фатима. Ему хотѣлось сначала самому убѣдиться, что волненіе, овладѣвшее имъ, не обманъ воображенія, а правдивое предчувствіе наболѣвшей души его. Нѣсколько дней пути до переправы прошли. Караванъ Мурадбека остановился не-

вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ по описанію пѣвца долженъ былъ по ту сторону рѣки находиться аулъ Фатимы. Какъ ни въ чемъ не бывало, расположилъ Мурадбекъ свой караванъ на ночлегъ, но только что всѣ уснули, самъ онъ только съ однимъ вѣрнымъ джигитомъ тихо выѣхалъ по направленію къ мѣсту переправы. Черезъ четверть часа всадники спустились въ воду и только слабый плескъ воды указывалъ, куда они двигались, колеся по причудливымъ изгибамъ аму-дарьинскихъ мелей, разыскивая наиболѣе мелкіе протоки, временами вплавъ пересѣкая болѣе глубокіе рукава быстрой, мутной рѣки. Сильно утомились всадники и лошади, пока добрались до противоположнаго берега. Прихотливое теченіе Аму не допускаетъ переправы по прямому направленію; приходится двигаться по отмели вверхъ по теченію, то значительно уклоняться въ противоположную сторону. Двѣ—три такихъ перемѣны направленія значительно затрудняютъ переправу и утомляютъ особенно лошадей, ноги которой должны преодолевать и быстрое теченіе и неудобство движенія по круглымъ валунамъ, застилающимъ ложе рѣки. На томъ берегу удалось найти пріютъ въ сосѣднемъ аулѣ и Мурадбекъ, довольный предчувствіемъ, что удовлетворитъ

своему любопытству, даже уснулъ немного до разсвѣта. На разсвѣтѣ бекъ приказалъ джигиту беречь лошадей и никуда не отлучаться, а самъ, пѣшкомъ, отправился по берегу вверхъ по теченію рѣки. Вдали виднѣлся большой аулъ, а не доходя аула Мурадбекъ, по даннымъ Усманомъ указаніямъ, легко нашель мѣсто, гдѣ внизу, у самой воды, стоялъ скотъ родственниковъ Фатимы. Осмотрѣвъ съ берега стадо, Мурадбекъ замѣтилъ большого быка, выдѣлявшагося между окружающими его животными и ростомъ и красотой. Неужели этаго быка носить чудная женщина наверхъ, подумалъ про себя Мурадбекъ, соображая, что не только женщинѣ, а и сильнѣйшему мужчинѣ казалось-бы и съ мѣста не сдвинуть такую громадную тяжесть. Совсѣмъ разсвѣло и Мурадбекъ поспѣшилъ расположиться за большимъ камнемъ, лежавшимъ у самага спуска къ загону. По словамъ Усмана, Фатима должна была рано утромъ придти къ тому мѣсту, и онъ рѣшился посмотреть на нее, не открываясь ей. Вскорѣ, вдали показалась женская фигура, медленно двигавшаяся по направленію къ спуску въ загонъ. Когда женщина приблизилась, Мурадбекъ слышалъ грустную точно похоронную пѣсню, которую

она напѣвала, а когда женщина совсѣмъ подошла къ камню, за которымъ скрывался невидимый соглядатай, то бекъ узналъ въ ней свою жену Фатиму-Биби. Конечно, каждый на его мѣстѣ бросился-бы къ давно любимой женщинѣ, поспѣшилъ-бы увѣрить ее въ неизмѣнной своей привязанности и, раскаявшись въ своей горячности, вымолилъ-бы у нея со слезами на глазахъ прощеніе за причиненныя страданія и постарался-бы остальную часть своей жизни всецѣло посвятить уходу за возвращенной женой и заставить совсѣмъ забыть пережитое горе. Не такъ поступилъ однако Мурадбекъ. Онъ неподвижно остался за камнемъ, пока Фатима спустилась къ рѣкѣ, а потомъ подползъ къ берегу и сталъ слѣдить за каждымъ движеніемъ женщины. По шаріату, мусульманинъ, давшій разводъ своей женѣ, воленъ только отпустить ее отъ себя, а вновь сочетаться бракомъ съ той же женщиной можетъ только тогда, когда разведенная имъ жена выйдетъ замужъ за другого и когда тотъ въ свою очередь дастъ ей разводную. До тѣхъ же поръ оба разведенные супруги столь-же запретны другъ для друга, какъ посторонніе люди и даже не вправѣ смотреть другъ на друга: жена должна закрывать

свое лицо отъ взора бывшего своего мужа. Вотъ почему и Мурадбеку пришлось, не выказывая своего присутствія, прятаться отъ Фатимы... Фатима быстро сбѣжала по узкой тропинкѣ внизъ. Рослый быкъ сейчасъ-же приблизился къ своей хозяйкѣ и сталъ къ ней ласкаться со всей нѣжностью, какая возможна для такого крупнаго, грубаго животнаго. Женщина склонилась подъ брюхо быка, подняла его на свою спину и легко, видимо безъ всякаго усилія, понесла наверхъ по тропинкѣ свою тяжелую ношу. Выйдя на верхъ, Фатима опустила быка на землю и животное весело побѣжало прочь. Рослый, хорошо кормленный быкъ видимо чувствовалъ себя очень хорошо. Ему хотѣлось бѣгать, рѣзвиться. Сдѣлавъ обычную порцію моціона, онъ принялся щипать траву, тихо прохаживаясь возлѣ сидѣвшей неподалеку отъ Мурадбека хозяйки. Мурадбекъ внимательно разсматривалъ Фатиму и убѣдился, что впродолженіе семи лѣтъ, которые они провели вдали другъ отъ друга, жена его мало перемѣнилась. Правда лицо ея стало какъ-то серьезнѣе, но прелестные глаза были также привлекательны, станъ также строенъ, какъ и въ тотъ день, когда Мурадбекъ разстался съ нею. Нечего было и думать пе-

реговорить съ Фатимой самому, нужно было для новаго брака соблюсти всѣ формальности; по этому Мурадбекъ, скрываясь за камнемъ, дождался, пока Фатима вновь снесла быка внизъ и удалилась по направленію къ виднѣвшимся вдали юртамъ своихъ родныхъ. Только когда женщина скрылась изъ вида, оставилъ Мурадбекъ мѣсто своей засады, счастливый, что вновь повидаль свою любимую, дорогую жену.

Возвратившись въ чайхане, гдѣ ожидалъ его джигитъ съ лошадыю, Мурадбекъ послалъ своего слугу, чтобы перевезти караванъ съ того берега и проводить сына до аула, гдѣ жила Фатима. Самъ Мурадбекъ съ свойственной ему рѣшительностью, немного наперекоръ восточному обычаю, отправился верхомъ въ аулъ родственниковъ своей жены, даже не пославъ туда предварительно никакого извѣщенія о томъ, что онъ долженъ пріѣхать. Смѣло вошелъ Мурадбекъ въ большую юрту своего бывшего тестя и попросилъ удивленнаго старика переговорить съ нимъ наединѣ.

Старикъ тесть пригласилъ гостя сначала выпить съ нимъ чашку чая, потомъ удалилъ изъ юрты прислугу и попросилъ гостя объяснить, что привело его въ аулъ.

— Я много виновать предъ вами, дорогой тесть, началъ нѣсколько смущенный Мурадбекъ, я отпустилъ отъ себя дочь вашу, не подумавъ хорошенько, о томъ, какъ она мнѣ дорога и какъ много страданій причинить намъ обоимъ разлука. Фатима побѣдила меня своимъ терпѣніемъ, она доказала мнѣ, что была права, когда семь лѣтъ тому назадъ сказала одну фразу, которая тогда показалась мнѣ столь обидною. Теперь я прошу васъ быть моимъ сватомъ, подите къ дочери и попросите ее отъ моего имени для меня и сына забыть прошлое и вновь войти полноправной хозяйкой въ тотъ домъ, который она покинула безвинно и по неволѣ семь лѣтъ тому назадъ.

— Но, вѣдь вы знаете, Мурадбекъ, что по шаріату ваша бывшая жена, а моя дочь не можетъ теперь принадлежать вамъ, хотя-бы и очень хотѣла исполнить ваше желаніе. Нельзя для своего благополучія преступить законъ.

— Законы о разводахъ я знаю хорошо, отвѣтилъ Мурадбекъ, но мнѣ нужно только согласіе Фатимы. Скажите ей, что со времени развода съ ней я не женился вторично, и если она согласна вновь выйти за меня замужъ, я немедленно вернусь въ свой ауль, Фатима выйдетъ замужъ за кого-либо изъ

дальнихъ родственниковъ, чтобы исполнить законъ, получить отъ втораго мужа разводъ и по истеченіи законнаго срока „иддать“, снова выйдетъ замужъ за меня.

Старикъ пошелъ къ дочери, а Мурадбекъ остался ожидать отвѣта. Не долго ждалъ онъ, вскорѣ старикъ—тесть вошелъ въ юрту и на лицѣ его Мурадбекъ прочелъ, что порученіе исполнено и исполнено удачно для него.

— Фатима очень рада вновь выйти за васъ замужъ; она также не мало пережила горя за время разлуки и просить васъ простить ей сказанную когда-то необдуманно фразу. Фатима просить только, чтобы вы въ точности исполнили всѣ обычаи на счетъ вторичнаго брака и скорѣй вернулись къ себѣ домой.

— Я не останусь здѣсь больше ни минуты, мнѣ остается только просить васъ позволить сыну моему Лютфуллѣ повидаться съ матерью и остаться здѣсь въ ауль до тѣхъ поръ, пока Фатимѣ можно будетъ вернуться ко мнѣ. Всѣ вещи, какія вы найдете въ караванѣ сопровождающемъ моего сына, пусть будутъ брачными подарками моими. Я съ нетерпѣніемъ буду ожидать того счастливаго часа, когда Богу угодно будетъ возстановить разбитое мною самимъ мое семейное счастье.

Попрощавшись съ тестемъ, Мурадбекъ сѣлъ на свою лошадь и быстро оставилъ ауль. Проѣзжая мимо одной нарядной юрты онъ замѣтилъ, что войлокъ въ одномъ мѣстѣ приподнятъ. Два черные глаза блеснули ему на прощанье и въ этомъ взглядѣ было для него и прощенье и счастье.

Встрѣтивъ на дорогѣ сына съ сопровождавшимъ его караваномъ, Мурадбекъ обрадовалъ Лютфуллу извѣстіемъ, что онъ будетъ теперь жить съ матерью, а потомъ вернется съ ней въ родной ауль. Юноша, простившись съ отцомъ, во весь опоръ поскакалъ къ виднѣвшемуся недалекѣ аулу, гдѣ ждала его горячо любимая мать.

Нельзя описать восторгъ сына и матери при встрѣчѣ, не поддается описанію и нетерпѣніе Мурадбека, пока наконецъ онъ дождался прибытія въ свой ауль своей возлюбленной Фатимы... Вторичный бракъ Мурадбека и Фатимы состоялся.

Супруги прожили до глубокой старости, дождались и свадьбы сына своего Лютфуллы и тоя трехъ сыновей его, своихъ внучатъ. Пережитое въ разлукѣ горе только временно затуманило разумъ Фатимы; какъ только быда устранена причина нравственнаго угнете-

нія, такъ и умственные способности счастливой женщины пришли въ совершенный порядокъ.

Давно случилось описанное событіе, но хивинцы и до сихъ поръ любятъ рассказать исторію Мурадбека и Фатимы, свидѣтельствующую о симпатичныхъ чертахъ характера доблестнаго хивинскаго народа.

Ниль Лыкошинъ.

